

Пэй Цинъи собрал фигуры с доски, разложив их по сторонам. Помолчав, он уже собирался заговорить, но Шэнь Минъянь опередила его:

— Подожди, подожди, тётушка, не говори пока. Я и так знаю — ты наверняка откажешь.

— Если знаешь, зачем тогда спрашивать?

Пэй Цинъи не умел обращаться с девушками — ни отчитать как следует, ни просто развернуться и уйти.

— Но ты хотя бы подумай. То, что сейчас кажется неясным, может проясниться позже. Я не тороплюсь. Когда разберёшься — приходи, я всегда буду ждать.

В тёмных тучах внезапно блеснула молния, донёсся отдалённый гром, и вскоре заморосил мелкий дождь. На поверхности озера за беседкой заплясали круги, а золотые карпы, ещё недавно лениво плававшие, в панике устремились под каменные плиты.

Шэнь Минъянь, глядя на небо, улыбнулась:

— Дядя, наверное, скоро придёт за тобой. И мне повезёт — не придётся промокать до нитки.

Дождь постепенно усиливался. Порывы ветра заносили в беседку капли, принося прохладу. Пэй Цинъи, одетый слишком легко, почувствовал холод. Вдалеке он заметил тёмный силуэт, приближающийся к ним.

Очнувшись, он оказался в тёплых и сухих объятиях.

Шэнь Цзюнь принёс ему пальто, накинул на плечи и мягко сказал:

— Долго искал вас. Дождь пошёл, пойдёмте вместе. Тётушка Вэнь приготовила сушёный батат, ещё тёплый. Минъянь, не забудь зайти на кухню и взять немного родителям.

Пэй Цинъи почувствовал тепло и, подняв глаза, тихо улыбнулся ему.

За спиной раздался радостный возглас:

— Спасибо, дядя! Спасибо, тётушка! Да здравствует дядя!

Тётушка Вэнь была поварихой, работавшей исключительно во дворе Шэнь Цзюня. Она часто готовила сладости и закуски, и Шэнь Минъянь каждый раз, приходя, упрашивала её что-нибудь сделать.

Поболтав с тётушкой Вэнь на кухне, Шэнь Минъянь съела большую часть только что приготовленного батата, а затем забрала с собой целый пакет ещё тёплого угощения. Она специально зашла к ним, чтобы попрощаться.

— Дядя, тётушка, я ухожу! — громко крикнула она в сторону внутренних покоев.

Пол в комнате был деревянным, чистым и аккуратным. Пэй Цинъи, переодевшись в просторную одежду из хлопка и льна, с распущенными волосами, босиком вышел изнутри и сказал:

— Он занимается каллиграфией. Я провожу тебя.

Шэнь Минъянь улыбнулась:

— Не надо, у меня есть зонт.

Она понизила голос и, внезапно приблизившись к его уху, прошептала:

— Мой брат хотел привести сюда свою звёздочку. Он как раз собирался рассказать об этом родителям. Через несколько дней, когда он совсем поправится, тебе, наверное, не избежать встречи с этим человеком у нас дома.

Она наблюдала за его лицом, пытаясь уловить какую-то реакцию.

Но Пэй Цинъи оставался спокоен, лишь кивнул и, взяв светлый плащ с вешалки в прихожей, протянул его Шэнь Минъянь:

— С зонтом в дождь будет холодно. Накинь.

Шэнь Минъянь смотрела на него несколько мгновений, потом взяла плащ и рассмеялась:

— Кажется, я начинаю понимать, почему дядя тебя любил.

Пэй Цинъи ответил улыбкой.

— Его зовут Юй Ань, да?

Шэнь Минъянь, завязывая плащ, сделала аккуратный бантик на поясе. Собираясь уходить, она вдруг обернулась:

— Если он действительно придёт, я предупрежу тебя, чтобы ты был готов.

— Спасибо, — кивнул Пэй Цинъи и спокойно добавил:

— Счастливого пути.

Шэнь Минъянь пожала плечами. Она уже привыкла к его холодности, когда рядом никого не было. Значит ли это, что ей больше не нужно притворяться? Похоже, её слова возымели эффект.

Она подумала: если бы он был одинаково тёплым и добрым со всеми, то просто измотал бы себя.

В комнате витал лёгкий аромат сандала, исходящий от керамической подставки для благовоний, вырезанной в виде горного пейзажа. Шэнь Цзюнь не любил промышленные ароматизаторы, предпочитая старинные благовония с лёгким дымком. Пэй Цинъи, привыкнув, постепенно начал ценить этот запах.

Он сел на диван, ненадолго закрыл глаза, потом встал, заварил чай и отнёс его в кабинет Шэнь Цзюню, который всё ещё занимался каллиграфией, предложив ему отдохнуть.

Вернувшись в спальню, Пэй Цинъи услышал, как его телефон, давно молчавший, начал вибрировать.

Он взглянул на сообщения. Их было много, и все они требовали его возвращения в съёмочную группу, причём тон был далеко не вежливым.

Он так увлёкся сближением с Шэнь Цзюнем, что почти забыл о своей основной работе.

Пэй Цинъи был дублёром — и на съёмочной площадке, и в жизни.

Его фигура была хороша, и он часто заменял звёзд, схожих с ним по телосложению, в опасных или грязных сценах. Однажды он стал дублёром для Юй Аня, который тогда только начинал свою карьеру, и с тех пор работал с ним уже три года.

Тогда была зима, приближался Новый год, и съёмки проходили в небольшом городке недалеко от границы. Место было живописным, но холодным, словно на краю света.

Пэй Цинъи соглашался на любые роли, которые ему предлагали, и только на месте понял, насколько там холодно. Его сцена, или, вернее, сцена Юй Аня, заключалась в прыжке в озеро, только что освободившееся ото льда.

Юй Ань играл заложника вражеского государства, который, сбежав на родину, не был признан и, потеряв надежду, решил покончить с собой.

Сцена должна была показать его прыжок в озеро.

Юй Ань, уже известный актёр, конечно, не хотел прыгать, но сцена была ключевой, и съёмочная группа искала дублёра. Все говорили, что Пэй Цинъи похож на Юй Аня, и его выбрали. Помощник режиссёра кратко объяснил сцену, и Пэй Цинъи, надев тонкую белую одежду, прыгнул в озеро.

Костюм был всего лишь одним слоем тонкой белой ткани, выглядел он воздушно, но почти не согревал. Надевая его, Пэй Цинъи дрожал от холода, но режиссёр торопил, и он, стиснув зубы, прыгнул.

Высокий и стройный юноша в белом, словно бабочка с оборванными крыльями, отчаянно рухнул в ледяную воду.

Вода была ледяной, казалось, в ней ещё плавали осколки льда. Всё тело пронзила боль, будто тысячи игл впились в кожу. Когда его вытащили, чтобы завершить сцену, на губах не осталось ни капли крови.

Он дрожащим голосом благодарил режиссёра и команду, но никто не обращал на него внимания. Ему бросили одеяло, сказали, что скоро выплатят гонорар, и дали понять, чтобы он поскорее уходил и не мешал.

Пэй Цинъи был так замёрз, что не мог говорить. Он устроился в углу, свернувшись в клубок и дрожа под одеялом.

Холод проник в самые кости, и он не мог встать.

Тень накрыла его, словно крона огромного дерева. Пэй Цинъи поднял глаза и увидел высокого красивого молодого человека.

Тот, с дерзкой, яркой внешностью, присел рядом, протянул ему толстый пуховик и принялся вытирать его мокрые, покрытые ледяными кристаллами волосы.

Пэй Цинъи испугался и отпрянул, но его силой вернули на место.

Молодой человек, почувствовав холод его кожи, нахмурился:

— Как они могут быть такими бесчувственными? Даже не дали тебе одежду, в такую стужу мучают людей. Ну как, тебе теплее?

Пуховик согрел его, принеся немного тепла.

Молодой человек, присев, спросил:

— Как тебя зовут? Ты симпатичный, почему не стал актёром? Видишь, как я к тебе хорошо отношусь? Хочешь, я отведу тебя в более тёплое место?

Он улыбнулся, и на мгновение показался озорным мальчишкой из-за маленького клыка. Пэй Цинъи сначала подумал, что это добрый и открытый парень, но позже понял, что это была лишь иллюзия.

Шэнь Минкэ любил кусать его этим клыком, оставляя синяки на теле. Вся его доброта была лишь милостыней, которую он давал, когда хотел.

К сожалению, Пэй Цинъи понял это слишком поздно, когда уже был глубоко вовлечён.

<http://bllate.org/book/15935/1424299>